

Комм, комм...

(Иди, иди... — нем.)

Аксель Панцер

Аксель Панцер

Komm, komm... (Иди, иди...-нем.)

«Автор»

2026

Панцер А.

Котт, котт... (Иди, иди...-нем.) / А. Панцер — «Автор», 2026

Это история о том, как война ломает судьбы простых людей и как в самых тяжёлых обстоятельствах рождается неожиданная близость. Анна Сергеевна Левицкая — молодая учительница немецкого языка из небольшого белорусского города. Война внезапно разрушает её привычную жизнь: оккупация, принудительный вывоз в Германию, чужой дом, чужие люди. Там, в семье немецкого офицера Карла Вебера, она становится свидетелем другой, непарадной стороны войны - и постепенно привязывается к маленькому паулю, сыну хозяев. Когда война приходит в их дом, Анне приходится сделать выбор, который навсегда меняет её жизнь. Она даёт обещание, от которого зависит судьба ребёнка. Возвращение на родину не приносит облегчения. Вместо дома и работы Анну ждут подозрения, слухи и презрение. Её прошлое и немецкий ребёнок, которого она считает своим сыном, делают её чужой среди своих. Но настоящая война продолжается не только в окопах — она живёт в людях, в словах, в детских играх и в тех, кто не умеет прощать.

© Панцер А., 2026

© Автор, 2026

Аксель Панцер

Komm, komm... (Иди, иди...-нем.)

Аксель Панцер

Komm, komm...

(Иди, иди...-нем.)

Повесть

Глава 1. Первый год

В последний учебный день школа всегда казалась Анне немного чужой. Не потому, что менялась сама — те же длинные коридоры с серыми половицами, те же высокие окна, которые трудно было отворить без помощи сторожа, те же выцветшие таблицы на стенах, — а потому, что дети уже мысленно находились за её пределами. Они сидели за партами, но слышали не учителя, а улицу. Из открытого окна тянуло тёплым воздухом, пылью и молодой листвой. Где-то за школьным двором стучало ведро у колодца. Несколько раз проезжала телега. На улице кричали мальчишки, которым повезло освободиться раньше. Голоса их то приближались к окнам, то растворялись за домами. Анна Сергеевна Левицкая стояла у доски и смотрела на своих семиклассников. За этот год они почти не изменились — и всё-таки стали другими.

В сентябре они встретили её настороженно. Молодая. Почти девчонка. Некоторые старшие ученицы были ниже её всего на полголовы, а один из мальчиков, Коля Бондаренко, уже тогда казался шире её в плечах. Первое время он нарочно медленно вставал, когда она входила в класс, словно проверял, действительно ли она имеет право требовать от него уважения. Теперь Коля сидел на последней парте и торопливо складывал в портфель тетради, хотя звонка ещё не было.

— Бондаренко, — сказала Анна.

Он поднял глаза.

— Я всё вижу.

Класс засмеялся.

— Анна Сергеевна, так урок же почти закончился.

— Почти — это ещё не закончился.

— А если звонок через две минуты?

— За две минуты можно многое успеть.

— Например, домой уйти.

Снова смех. Анна хотела сделать строгое лицо, но сама улыбнулась. За год она научилась этой маленькой хитрости: иногда учителю полезнее улыбнуться вместе с классом, чем обязательно доказать, кто здесь главный. Она повернулась к доске. Мел коротко скрипнул.

Der Sommer kommt.

Анна отступила на шаг.

— Кто переведёт?

Несколько рук поднялись без особого усердия.

— Маша.

Девочка у окна встала.

— Лето приходит.

— Правильно.

— Оно уже пришло, — сказал кто-то сзади.

— Это кто сказал?

Все посмотрели на Колю.

— Не я, — быстро ответил он.

— В таком случае виноват весь класс.

Дети опять засмеялись. Анна положила мел на край доски.

— Хорошо. На сегодня достаточно. Но прежде чем вы убежите, хочу вам кое-что сказать.

Теперь они насторожились. Слово «сказать» в последний день занятий обычно означало какое-нибудь летнее задание.

— Только не книжку на немецком, — простонал Коля.

— Вам особенно не помешало бы.

— Анна Сергеевна!

— Никаких упражнений задавать не буду.

По классу прошло облегчённое движение.

— Но если кому-нибудь попадётся немецкое слово — в газете, на упаковке, в книге, где угодно, — попробуйте понять его сами. Не обязательно записывать. Просто попробуйте.

— А если не поймём?

— Тогда в сентябре спросите.

Она сказала это совершенно естественно. В сентябре. Ещё один учебный год. Новый классный журнал. Новые тетради. Возможно, ей снова дадут седьмой класс. Возможно, старшие классы. Директор Пётр Васильевич говорил, что в следующем году часов немецкого должно стать больше. Анна думала об этом с приятным волнением. Первый год оказался гораздо труднее, чем представлялось в институте. Там всё выглядело яснее. Методика преподавания. Возрастная психология. План урока. Цель урока. Закрепление материала. Проверка знаний. Никто не объяснял, что делать, если шестиклассник приходит после бессонной ночи, потому что дома заболела мать. Или если девочка плачет перед уроком, а через пять минут нужно спрашивать у неё немецкие глаголы. Или если половина класса не выучила слова не из лени, а потому что весной дома работы больше, чем времени. Этому Анна училась сама. В сентябре она могла обидеться на ученика.

К декабрю научилась различать дерзость и смущение. К весне поняла, что иногда ребёнок смотрит в окно не потому, что ему скучно, а потому, что в пятнадцать лет вообще трудно смотреть только на доску. Прозвенел звонок. Дети сорвались с мест.

— До свидания, Анна Сергеевна!

— До сентября!

— А можно мел взять?

— Зачем тебе мел?

— Просто.

— Тогда нельзя.

Через минуту класс опустел. Анна осталась одна. На полу лежала скомканная бумажка. Из-под парты торчал забытый карандаш. На первой парте кто-то выцарапал маленьким перочинным ножом две буквы — «В. М.». Она знала, кто. Сделала вид, что не знает. За окном дети выбегали через школьные ворота, сталкивались, кричали, бросали вверх кепки. Анна подошла к окну. Первый учебный год закончился. Она неожиданно почувствовала не радость, а лёгкую пустоту. Ещё вчера школа была наполнена голосами. Завтра останутся только учителя, уборщицы да директор, который будет ходить из кабинета в кабинет с пачкой бумаг. Анна вернулась к доске.

Der Sommer kommt.

Она взяла тряпку, но не сразу стёрла фразу. Лето приходит. Ей было двадцать три года, и в этом возрасте лето ещё казалось обещанием.

В этот маленький белорусский город Анна приехала в августе сорокового. Название его прежде встречалось ей только на карте. После института она надеялась получить место ближе к Минску, но распределение распорядилось иначе. Мать, узнав, куда отправляют дочь, вздохнула:

— Далеко.

— Не Сибирь же.

— Всё равно далеко.

Отец посмотрел на неё поверх очков и сказал:

— Молодому специалисту полезно начать самому.

Мать сердито ответила:

— Конечно. Тебе всё полезно, что не с тобой происходит.

Но потом именно она до ночи укладывала Анне вещи, перекладывала бельё газетами, зашила деньги в маленький внутренний карман чемодана и трижды спросила, взяла ли дочь шерстяные чулки. Анна приехала вечером. После Минска город показался почти деревней. Невысокие дома. Большие сады. Несколько улиц, мощённых булыжником. Рыночная площадь. Кирпичное здание районного исполнительного комитета. Почта. Аптека. Кинотеатр с афишей, которую ветер отрывал от стены. Школа стояла немного в стороне от центра. Двухэтажная, светлая, построенная ещё до революции. Директор встретил её в рубашке с закатанными рукавами.

— Немецкий?

— Немецкий.

— Наконец-то.

Он пожал ей руку так, будто Анна приехала спасти положение.

— У нас в прошлом году немецкий преподавала математичка.

— Математичка?

— А что делать? Знала четыре слова.

— Какие?

Пётр Васильевич задумался.

— Не спрашивал.

Так началась её работа. Комнату ей нашли у вдовы железнодорожника Марии Игнатьевны, женщины лет пятидесяти пяти, крупной, доброй и чрезвычайно любопытной. Уже в первый вечер хозяйка спросила:

— Замужем?

— Нет.

— Жених есть?

— Нет.

— А почему?

Анна растерялась.

— Не знаю.

— Значит, институт мешал.

На этом Мария Игнатьевна успокоилась дня на три. Потом начала присматриваться к подходящим кандидатам. Анна смеялась и говорила, что приехала работать, а не выходить замуж.

— Одно другому не мешает, — отвечала хозяйка.

К весне Анна привыкла к её разговорам, к комнате с железной кроватью, к маленькому столику возле окна, к скрипучему шкафу и даже к запаху яблок, которые всю зиму хранились в чулане. Она привыкла к городу. Знала, в какой булочной хлеб бывает раньше. Знала аптекаршу Софью Львовну, которая всегда говорила шёпотом. Знала старика сапожника возле рынка. Знала, где весной на улице образуется такая лужа, что перейти её можно только по двум кирпичам. И город тоже постепенно привык к ней. Её начали называть просто:

— Наша немка.

Так говорили без обиды. В городе немецкий язык считался предметом странным и не особенно нужным. Английского почти никто не знал. Французский ассоциировался с рома-

нами. Немецкий же существовал где-то рядом с учебниками, университетами, Марксом, Гёте и странными словами, которые дети произносили неправильно. Анна любила язык. Не Германию — она там никогда не была. Именно язык. Ей нравилась его точность. Возможность соединять слова, словно детали какого-то механизма. Нравилось, как длинное непонятное слово после разбора вдруг становилось совершенно ясным. Иногда она читала детям стихи. Немного. Чтобы они слышали не только упражнения. Однажды прочитала несколько строк Гейне. Коля Бондаренко после урока спросил:

— А немцы правда так разговаривают?

— Как?

— Красиво.

Анна рассмеялась.

— Иногда.

— А почему тогда в кино немец всегда кричит?

— Потому что в кино ему положено кричать.

— А в жизни?

— В жизни люди разные.

Она не запомнила этого разговора. Позднее он будет возвращаться к ней много раз.

Вечером последнего учебного дня учителя собрались в маленькой комнате возле учительской. На столе стояли чайник, тарелка с печеньем и принесённый кем-то клубничный пирог. Пётр Васильевич поднял стакан с чаем.

— Поздравляю, товарищи. Дожили.

— Только до педсовета, — сказала преподавательница русского языка Вера Матвеевна.

— Не портите людям праздник.

Все засмеялись. Анна сидела у окна. Коллеги уже не относились к ней как к новенькой. Осенью её спрашивали, привыкла ли. Зимой — не замёрзла ли. Весной перестали спрашивать вообще. Это означало, что она стала своей.

— Анна Сергеевна, — обратился к ней директор, — на будущий год дадим вам ещё восьмой класс.

— Хорошо.

— Не боитесь?

— Нет.

— Зря.

Снова засмеялись. Физик Алексей Николаевич, молодой мужчина с постоянно растрёпанными волосами, сказал:

— Немецкий скоро всем пригодится.

— Почему это? — спросила Вера Матвеевна.

Он пожал плечами.

— Время такое.

В комнате на секунду стало тише. О войне говорили давно. Газеты писали о событиях в Европе. По радио называли города, которые большинство присутствующих прежде никогда не слышало. Польша. Франция. Бельгия. Югославия. Греция. Война существовала где-то далеко. Как гроза за горизонтом. Видно зарево, иногда слышен гром, но над твоим домом ещё светло.

— У нас договор, — сказал Пётр Васильевич.

— Договоры тоже бывают разные, — ответил физик.

Директор нахмурился.

— Алексей Николаевич, давайте сегодня без международной политики.

— С удовольствием.

Разговор перешёл на другое. Кто куда поедет летом. Кто останется. У кого родственники приезжают. Анна сказала, что собирается на несколько недель домой, а потом вернуться пораньше, чтобы подготовиться к новому году.

— Вот что значит молодой специалист, — вздохнула Вера Матвеевна. — Я двадцать лет работаю и ни разу не хотела вернуться в школу пораньше.

— Через двадцать лет тоже не захочу.

— Через два.

— Посмотрим.

Они снова засмеялись. За окном было ещё светло. Самые длинные дни года только начинались.

Домой Анна возвращалась пешком. Она могла сократить путь через рынок, но пошла длинной улицей вдоль садов. После дождя воздух был особенно чистым. От земли поднимался слабый пар. На заборах сохли мокрые листья. Где-то играло радио. Из открытого окна доносились музыка. Анна остановилась на мгновение. Потом пошла дальше. На углу две девочки из её шестого класса сидели на скамейке. Увидев учительницу, обе вскочили.

— Здравствуйте, Анна Сергеевна!

— Здравствуйте.

— А мы уже отдыхаем!

— Я вижу.

— А вы?

Анна задумалась.

— Я тоже.

Девочки убежали. Возле дома Марии Игнатьевны пахло сиренью. Хозяйка сидела на крыльце и перебирала зелёный лук.

— Ну что, учительница, отпустили детей?

— Отпустили.

— Теперь тишина будет.

— Будет.

— Хорошо.

Анна села рядом. Некоторое время они молчали. По улице прошла женщина с ведром. Где-то залаяла собака. Соседский мальчик гнал палкой обруч.

— Домой поедешь? — спросила Мария Игнатьевна.

— Поеду.

— Надолго?

— Недели на две.

— А потом?

— Вернусь.

Хозяйка кивнула.

— Правильно. Тут уже место твоё.

Анна посмотрела на неё. Эти простые слова неожиданно обрадовали. Место твоё. Год назад у неё нигде не было своего места. Был институт. Общежитие. Дом родителей. Будущее, о котором все спрашивали. Теперь было место. Школа. Комната. Стол у окна. Дети, которые осенью снова придут и начнут жаловаться на неправильные немецкие артикли. Анна поднялась.

— Пойду тетради разбирать.

— В последний день?

— Чтобы потом не думать.

— Вот поэтому ты и не замужем.

Анна засмеялась и вошла в дом.

На столе лежала стопка ученических тетрадей. Она перебирала их одну за другой, складывая в две кучки. На некоторых были кляксы. На одной обложке кто-то нарисовал самолёт. Анна раскрыла её. Это была тетрадь Коли Бондаренко. Последнее упражнение:

Ich gehe nach Hause.

Du gehst nach Hause.

Wir gehen nach Hause.

Анна красным карандашом исправила пропущенную букву. Потом остановилась. Странно было проверять тетради, когда оценки уже выставлены. Она закрыла её. За окном начинало темнеть. Анна достала чистый лист бумаги. Хотела написать родителям, что учебный год закончился хорошо.

«Дорогие мама и папа...»

Она написала дату. 31 мая 1941 года. Несколько секунд смотрела на неё. Потом продолжила:

«Сегодня закончился мой первый учебный год. Кажется, я всё-таки стала настоящей учительницей...»

Анна улыбнулась. В соседней комнате Мария Игнатьевна включила радио. Сначала был треск. Потом музыка. Анна писала письмо. О школе. О детях. О том, что директор обещает больше часов. О том, что летом она обязательно приедет. О том, что в городе цветёт сирень. Ни слова о войне. Она закончила письмо, сложила его и положила в конверт. На столе осталась лежать одна тетрадь. Анна подошла к окну. Над крышами ещё сохранялась узкая светлая полоса. Где-то далеко прошёл поезд. Она подумала, что впереди целое лето. Три месяца. Почти вечность. А потом снова будет сентябрь. Она представила школьный коридор, звонок, детей, белый мел в руке и чистую доску. И совершенно не могла знать, что через двадцать два дня привычный мир, в котором существовали уроки, расписание, тетради, летние каникулы и планы на сентябрь, закончится. Не сразу. Сначала по радио прозвучит голос. Потом люди выйдут на улицы.

Потом над городом впервые появятся самолёты. А немецкий язык, который Анна целый год терпеливо учила детей читать и понимать, очень скоро заговорит с ней совсем другими словами.

Глава 2. Двадцать второе июня

Двадцать второго июня Анна проснулась рано. Не от шума, не от выстрелов и не от радио — просто от света. Летнее солнце уже стояло высоко, хотя часы показывали только половину седьмого. В комнате было душно. Ночью она не закрыла форточку, и теперь занавеска едва заметно двигалась от слабого воздуха с улицы. Анна лежала, глядя в потолок, и думала, что сегодня воскресенье. Это казалось важным. Воскресенье означало, что можно не спешить. Не нужно идти в школу, не нужно проверять тетради, не нужно искать чистую блузку, которую вчера вечером она забыла выгладить. На стуле у стены стоял собранный чемодан. Домой она собиралась ехать через два дня. Мать уже прислала открытку: «Ждём. Отец обещал достать клубники. Не задерживайся». Анна улыбнулась, вспомнив это «не задерживайся». Как будто она собиралась путешествовать неизвестно где, а не провести лето между родительским домом и школой.

С улицы донёсся звон ведра. Мария Игнатьевна уже была во дворе. Анна села на кровати, убрала волосы с лица и несколько секунд слушала обычные утренние звуки. Кто-то открывал ставни. Где-то плакал ребёнок. На соседней улице проехала телега. Пахло тёплой землёй, травой и немного дымом — кто-то с утра растапливал печь. Всё было как всегда. Через несколько минут Анна вышла во двор. Мария Игнатьевна стояла возле колодца.

— Рано встала, — сказала она.

— Душно.

— Гроза будет.

Анна посмотрела на небо. Оно было почти безоблачным.

— Не похоже.

— Колени ломит. Значит, будет.

Мария Игнатьевна относилась к собственным коленям как к более надёжному источнику сведений, чем газеты и радио. Анна взяла со скамейки кружку и налила себе воды.

— Сегодня на рынок пойдёте?

— После обеда. А ты?

— Не знаю. Может быть, к реке схожу.

— Одна?

— А с кем?

Хозяйка посмотрела на неё.

— Вот потому и спрашиваю.

Анна засмеялась.

— Мария Игнатьевна, дайте мне хотя бы летом отдохнуть от ваших женихов.

— Отдыхай. Только годы не стоят.

— Мне двадцать три.

— Вот именно.

Они ещё немного поговорили о пустяках. О ценах на яйца. О соседке, у которой ночью отелилась корова. О том, что клубника в этом году мелкая. Потом Анна вернулась в комнату. Радио она включила около семи. Передавали музыку. Она расчёсывала волосы перед маленьким зеркалом и напевала себе под нос. Потом снова выключила приёмник.

К десяти часам жара стала сильнее. Анна решила всё-таки пойти к реке. Надела светлое платье, взяла книгу и уже собиралась выходить, когда во дворе услышала голоса. Не обычный разговор. Люди говорили громче, чем нужно. Одновременно. Кто-то позвал Марию Игнатьевну. Хлопнула калитка. Анна вышла на крыльцо. У забора стоял сосед Иван Павлович, работавший на железной дороге. Он был без пиджака, в одной рубашке, и почему-то держал в руке кепку.

— Радио включите, — сказал он.

— Что случилось? — спросила Мария Игнатьевна.

— Война.

Слово прозвучало так просто, что Анна сначала не поняла.

— Какая война?

Иван Павлович посмотрел на неё.

— Германия напала.

Анна почувствовала, как пальцы сами сильнее сжали книгу.

— На кого?

Он даже удивился вопросу.

— На нас.

Несколько секунд никто не говорил. Где-то совсем рядом продолжала кудахтать курица. Мария Игнатьевна первой пришла в себя.

— Не может быть.

— По радио сейчас будут передавать.

Они вошли в дом. Приёмник долго ловил волну. Сначала шёл треск. Потом музыка. Потом снова помехи. Во дворе уже собрались соседи. Кто-то принёс табурет. Кто-то стоял у открытого окна. Анна села возле стола. Ей казалось, что всё это происходит немного не здесь. Не в этой комнате. Не с ними. Голос из радио звучал ровно и торжественно. Он говорил о

нападении германских войск, о бомбардировках городов, о нарушении границы. Анна слышала отдельные слова и никак не могла соединить их в одно целое. Германия. Война. Самолёты. Киев. Минск. Севастополь. Кто-то рядом тихо перекрестился. Анна повернула голову. Это была старуха из соседнего дома. Никто ничего ей не сказал. Когда передача закончилась, воцарилась тишина. Потом заговорили все сразу.

— А где фронт?

— Минск бомбили?

— Врёт кто-то.

— Чего врёт? Сам слышал.

— Наши их быстро остановят.

— Конечно остановят.

— До осени закончится.

Анна смотрела на радио. Ей почему-то вспомнился школьный класс. Доска. Белый мел. *Der Sommer kommt.*

Она неожиданно подумала о Коле Бондаренко.

«А немцы правда так разговаривают?»

«Как?»

«Красиво». Анна закрыла глаза.

К полудню город уже изменился. Внешне почти ничего не произошло. Дома стояли на месте. Люди ходили по тем же улицам. Магазины были открыты. Но теперь все куда-то спешили. Возле почты собралась очередь. У райисполкома стояли мужчины. На рынке говорили только о войне. Кто-то утверждал, что немецкие самолёты уже видели над соседним районом. Кто-то говорил, что это паника. Кто-то уверял, что Красная армия уже перешла в наступление. Никто ничего толком не знал. Анна встретила Веру Матвеевну возле школы. Учительница русского языка шла быстро, прижимая к груди сумку.

— Анна Сергеевна!

— Что там?

— Собирают всех учителей.

— Зачем?

— Не знаю.

Они вошли в школу вместе. В учительской уже были почти все. Пётр Васильевич стоял у окна. Лицо у него было серое.

— Товарищи, — сказал он, — пока никаких распоряжений по школе нет. Но нужно быть готовыми помогать району. Возможно, будут формировать санитарные группы, возможно, понадобится размещать людей.

— А эвакуация? — спросил кто-то.

Директор посмотрел на говорившего.

— Об эвакуации никаких указаний нет.

— А детей?

— Никаких указаний.

Алексей Николаевич, физик, сидел у стены и курил. Обычно в учительской он не курил. Анна заметила это первой.

— Вы вчера были правы, — сказала она тихо.

Он посмотрел на неё.

— Лучше бы ошибся.

В комнате снова стало тихо.

К вечеру появились первые объявления. Мужчинам определённых возрастов предписывалось явиться в военкомат. На стенах висели свежие листы бумаги. Возле них толпились люди. Кто-то читал вслух. Кто-то переписывал фамилии. Кто-то уже возвращался домой, чтобы соби-

рать вещи. Анна увидела Колю Бондаренко возле площади. Он стоял рядом с отцом. Отец был в праздничной рубашке, но держал в руках небольшой вещевой мешок. Анна подошла.

— Здравствуй, Коля.

Мальчик кивнул. Сегодня он не улыбался.

— Анна Сергеевна.

Его отец снял кепку.

— Учительница?

— Да.

— Нашего оболтуса учили?

— Учу.

— Значит, вам и сдаю.

Он попытался улыбнуться. Коля отвернулся. Анна не сразу поняла, что мужчина уходит.

— Сегодня?

— Сказали явиться.

Он посмотрел на сына.

— Мать у него давно умерла. Сестра есть старшая. Справятся.

Анна хотела сказать что-то ободряющее. Не нашла слов. Отец Коли протянул ей руку.

— Учите его.

— Буду.

— А ты слушайся.

Коля ничего не ответил. Когда отец ушёл, мальчик всё ещё стоял на том же месте.

— Коля.

— Чего?

— Иди домой.

— Сейчас.

— Сестра ждёт.

Он пожал плечами. Анна хотела положить руку ему на плечо, но не стала. В пятнадцать лет чужая жалость иногда тяжелее беды. Она пошла дальше. Через несколько шагов услышала:

— Анна Сергеевна!

Обернулась. Коля смотрел на неё.

— Это правда война?

Вопрос был странным. Он только что проводил отца.

— Правда.

— А долго?

Анна вспомнила разговоры на рынке. «До осени». «Через месяц будем в Берлине». «Немцев сразу разобьют». Она могла повторить одно из этих уверенных обещаний. Но сказала:

— Не знаю.

Коля кивнул. И Анна впервые увидела, что он ещё совсем ребёнок.

Вечером Мария Игнатьевна не стала зажигать свет сразу.

— Говорят, затемнение надо соблюдать.

— Кто говорит?

— Все говорят.

— Пока распоряжения не было.

— А я всё равно занавески закрою.

Она плотно задёрнула окна. Комната сразу стала душной. На столе стоял холодный картофель и молоко. Никому не хотелось есть. Радио не выключали. Каждый раз, когда музыка прерывалась, обе женщины замолкали. Анна несколько раз пыталась написать родителям. Начи-
нала:

«Дорогие мама и папа...»

Потом зачёркивала. Что писать? Они и сами уже знают. В конце концов написала коротко: «У меня всё хорошо. Пока остаюсь здесь. Не беспокойтесь. Как только будет возможность, приеду». Она долго смотрела на последнее предложение. Ещё вчера чемодан стоял собранный. Теперь ехать домой казалось почти невозможным. Поезда нужны армии. На дорогах неизвестно что. Да и директор попросил всех учителей пока не уезжать. Анна отложила письмо.

— Ты спать будешь? — спросила Мария Игнатьевна.

— Наверное.

— Я не смогу.

Анна тоже понимала, что не уснёт. Но всё-таки легла.

Первый самолёт она услышала ночью. Сначала был далёкий гул. Анна открыла глаза. Несколько секунд лежала неподвижно. Гул становился сильнее. Из соседней комнаты донёсся голос Марии Игнатьевны:

— Аня!

Анна вскочила. Они вышли во двор. На улице уже стояли люди. Кто-то смотрел в небо. Ничего не было видно. Только звёзды. Гул прошёл над городом и начал удаляться.

— Наши, — сказал Иван Павлович.

— Откуда знаете?

— По звуку.

— А какой у немецких?

Он не ответил. Самолёт исчез. Люди ещё немного постояли и начали расходиться. Анна вернулась в комнату. Уже возле двери она увидела чемодан. Он всё ещё стоял там, куда она поставила его два дня назад. Внутри лежали два летних платья, книги, подарок матери и несколько ученических тетрадей, которые Анна собиралась показать отцу — просто потому, что гордилась своей первой работой. Она подошла и сняла чемодан со стула. Поставила под кровать. Домой она пока не ехала.

На следующий день началась мобилизация. Потом появились беженцы. Сначала несколько семей. Потом десятки. Они шли через город пешком, ехали на телегах, в кузовах машин, на велосипедах. Анна вместе с другими учителями помогала размещать людей в школе. Классы превратились в комнаты. На полу лежали одеяла. На партах сидели женщины с детьми. В кабинете немецкого разместилась семья из шести человек. Маленькая девочка спала прямо под доской. На доске ещё оставалась надпись с последнего урока.

Der Sommer kommt.

Анна вошла в класс и остановилась. Она почему-то забыла стереть её. Девочка под доской проснулась и посмотрела на Анну.

— Тётя, воды можно?

— Конечно.

Анна принесла кружку. Потом взяла тряпку. Несколько секунд стояла перед доской. И стёрла немецкие слова.

Через два дня город впервые бомбили. Это случилось утром. Сначала завывала сирена. Никто толком не знал, куда бежать. Люди выскакивали на улицу, потом возвращались в дома, кто-то кричал, чтобы все шли в подвалы. Анна была возле школы. Она слышала самолёты. Теперь их было много. Высоко в небе двигались маленькие тёмные точки. Потом раздался первый взрыв. Земля под ногами дрогнула. Где-то за железной дорогой поднялся чёрный дым. Женщина рядом закричала. Анна не поняла почему. Следующий взрыв был ближе. Зазвенели окна. Дети в школьном подвале заплакали. Анна спустилась к ним.

— Тихо, тихо, всё хорошо.

Она говорила это автоматически. Ничего хорошего не было. Но дети смотрели на взрослых и верили словам больше, чем взрывам. Маленькая девочка, та самая, которая просила воды, прижалась к Анне.

— Они уйдут?

— Уйдут.

— Скоро?

— Скоро.

Анна обняла её. И впервые за эти дни солгала ребёнку ради того, чтобы он не боялся. Потом она будет делать это много раз.

Бомбёжка продолжалась недолго. Когда всё стихло, люди вышли наружу. Над железнодорожной станцией горело. На одной из улиц были выбиты окна. Разрушило несколько домов. Все говорили одновременно. Анна шла домой и не узнавала знакомого города. Он всё ещё был тем же. И уже не был. Возле рынка лежало разбитое стекло. На площади стояла санитарная машина. Мужчины копали щель возле райисполкома. На стене школы висел плакат:

«Всё для фронта! Всё для победы!»

Его приклеили утром. Анна остановилась возле школьных ворот. Там стоял Коля.

— Где сестра? — спросила она.

— Дома.

— Что ты здесь делаешь?

— Помогал.

Он был весь в пыли.

— Иди домой.

— Анна Сергеевна...

— Что?

Он посмотрел в сторону станции.

— Это немецкие были?

Она поняла, о чём он. Самолёты.

— Да.

Коля молчал. Потом сказал:

— А вы их язык знаете.

Это прозвучало не как обвинение. Скорее как удивление. Анна ответила:

— Знаю.

— А что они говорят, когда бомбят?

Она не сразу поняла вопрос.

— Я не знаю.

— Они же немцы.

— Немецкий язык здесь ни при чём.

Коля посмотрел на неё так, будто пытался решить, правда ли это. Потом кивнул. Но Анна вдруг почувствовала, что сама уже не так уверена в собственных словах.

В последующие дни фронт приближался слишком быстро. Говорили, что Красная армия остановит немцев. Потом говорили, что идут тяжёлые бои. Потом перестали говорить, где именно фронт. Связь работала плохо. Газеты приходили с опозданием. По дорогам двигались военные части. Грузовики шли на восток. Потом на восток стали идти и люди. Уезжали семьи работников учреждений. Вывозили документы. Грузили оборудование. В школе Пётр Васильевич жёг какие-то бумаги во дворе. Анна подошла.

— Что это?

— Архив.

— Зачем?

— Так надо.

— Мы уезжаем?

Он не ответил сразу.

— Если будет распоряжение.

— А если не будет?

Директор посмотрел на дым.

— Тогда будем ждать.

— Чего?

Он поднял глаза.

— Не знаю.

Впервые Анна услышала это от взрослого человека, которому привыкла доверять. Не знаю. Эти два слова становились главными словами лета.

Первого июля Анна окончательно поняла, что домой не попадёт. Железная дорога почти не принимала гражданских. Мосты контролировали военные. Почта перестала работать нормально. Письмо родителям так и лежало у неё в столе. Она перечитала его. «Не беспокойтесь». Слова показались нелепыми. Она не стала рвать письмо. Сложила и убрала в чемодан. Возможно, потом отправит. Возможно, сама привезёт. Она всё ещё употребляла слово «потом».

Через несколько дней ночью на западной стороне неба появилось зарево. Никто не знал, что горит. Стояли возле домов и смотрели. Где-то далеко гремело. Не гром. Мария Игнатьевна перекрестилась.

— Близко.

Анна ничего не сказала. Она уже научилась различать звук самолёта и артиллерии. Ещё две недели назад не умела. На следующее утро по городу прошёл слух: немцы совсем рядом. Потом другой: наши удержали. Потом третий: дорога на восток перерезана. Около полудня Анна увидела отступающих солдат. Они шли небольшими группами. Усталые. Пыльные. Некоторые без винтовок. Люди подходили к ним.

— Где немцы?

— Далеко?

— Наши подойдут?

Солдаты почти не отвечали. Один совсем молодой красноармеец попросил воды. Анна принесла кружку. Он пил быстро, проливая на гимнастёрку.

— Спасибо.

— Что происходит?

Он вернул кружку. Посмотрел на неё.

— Уходите отсюда.

— Куда?

Солдат пожал плечами.

— На восток.

— Дорога свободна?

Он ничего не ответил. Только повторил:

— Уходите.

И побежал догонять своих. Анна осталась возле калитки. Мария Игнатьевна стояла за её спиной.

— Куда мы пойдём? — спросила она.

Анна посмотрела на дорогу. По ней двигались люди. Женщина тащила чемодан. Старик вёл корову. Мальчик катил велосипед, на котором были привязаны два мешка. Кто-то нёс ребёнка. Всё это двигалось на восток.

— Не знаю, — сказала Анна.

Но вечером они всё-таки начали собираться.

Анна достала чемодан из-под кровати. Ещё недавно он был приготовлен для летней поездки к родителям. Она вынула светлое платье. Положила вместо него тёплую кофту. Вынула книгу. Положила хлеб. Потом снова достала книгу и всё-таки оставила её. Мария Игнатьевна вошла в комнату.

— Что берёшь?

— Немного.

— Документы?

— Здесь.

— Диплом?

Анна остановилась. Диплом лежал в нижнем ящике стола. Она достала его. Плотная обложка. Педагогический институт. Учитель немецкого языка. Ещё несколько недель назад эта бумага означала начало её жизни. Теперь она не знала, что означает. Но положила диплом в чемодан.

— Правильно, — сказала Мария Игнатьевна. — Бумаги надо беречь.

— Куда пойдём?

— Со всеми.

— А дом?

Хозяйка оглянулась. Комната. Стол. Шкаф. Фотография мужа на стене. Герань на окне.

— Дом подождёт.

Она сказала это уверенно. Но ночью никто из них не спал.

Утром оказалось, что уходить поздно. По дороге пришли люди из соседней деревни. Они сказали, что немецкие части уже перерезали шоссе. Потом появились ещё беженцы. Кто-то рассказывал о танках. Кто-то о мотоциклистах. Кто-то уверял, что видел немецких солдат собственными глазами. Город замер. Многие спрятались по домам. Рынок опустел. Магазины закрылись. На улицах почти не было детей. Школа стояла пустая. Анна пошла туда одна. Не знала зачем. Возможно, потому что больше некуда было идти. Дверь оказалась открыта. В коридоре лежали какие-то бумаги. Она поднялась на второй этаж. Вошла в свой класс. Парты стояли ровно. На доске осталось серое пятно от стёртого мела. Анна провела пальцами по первой парте. Ей вспомнилось:

«До сентября!»

Она подошла к окну. Город был почти неподвижен. Только далеко по дороге поднималась пыль. Сначала Анна решила, что едут наши машины. Потом увидела мотоциклы. За ними — грузовики. На дороге появились солдаты в незнакомой форме. Она долго смотрела. Не могла заставить себя отойти от окна. Во дворе кто-то крикнул. Не по-русски. Анна услышала первое немецкое слово:

— Schnell!

Она знала его много лет. «Быстро». Обычное наречие. Слово из учебника. Слово, которое ученики записывали в словарик. Теперь оно прозвучало совсем иначе. Анна медленно отступила от окна. Внизу снова крикнули:

— Schnell! Weiter!

Она поняла каждое слово. И впервые в жизни ей захотелось немецкого языка не понимать.

Глава 3. Чужая речь

В первые дни оккупации город говорил шёпотом. Это было самым странным. Люди ещё ходили по улицам, стояли у колодцев, открывали калитки, носили воду, искали хлеб, но прежнего человеческого гула не было. Даже на рынке, который всегда жил своей жизнью независимо от погоды, власти и праздников, теперь разговаривали вполголоса. Над площадью висели новые объявления. Белые листы бумаги с чёрными буквами. Немецкий текст сверху. Русский — ниже. Комендантский час. Запрет на хранение оружия. Обязанность зарегистриро-

ваться. Сдача радиоприёмников. Предупреждение о наказании за помощь партизанам. Люди читали медленно. Некоторые — по слогам. Другие ждали, пока прочтёт кто-нибудь грамотнее. Анна останавливалась возле каждого объявления. Немецкий текст она понимала сразу. Русский перевод читала потом. Иногда перевод был точным. Иногда грубее оригинала. Иногда наоборот.

И каждый раз ей становилось не по себе от того, что язык, который ещё недавно был для неё предметом преподавания, теперь определял, когда человеку разрешено выходить из дома, сколько хлеба он может получить и за что его могут арестовать. В школе она когда-то объясняла детям:

— Смысл слова зависит от контекста.

Теперь контекст изменил всё.

На третий день немцы заняли здание райисполкома. Над входом появилась табличка.

Ortskommandantur.

Анна увидела её издалека. Слово было знакомым. Она могла бы разобрать его ученикам. Ort — место. Kommandantur — комендатура. Но теперь ей не хотелось ничего разбирать. У дверей стояли два солдата. На площади постоянно появлялись машины. Приходили местные жители. Кого-то вызывали. Кто-то сам шёл туда с документами. Мария Игнатьевна старалась обходить площадь другой улицей.

— Нечего глаза мозолить, — говорила она.

Анна соглашалась. Но долго оставаться незаметной не получилось.

В один из дней у соседки заболел ребёнок. Мальчику было лет шесть. С вечера держалась высокая температура, а утром началась рвота. Мать прибежала к Марии Игнатьевне в слезах.

— В больницу не пускают.

— Почему?

— Там немцы.

— Что значит не пускают?

— Солдат стоит. Я ему говорю, а он не понимает.

Мария Игнатьевна посмотрела на Анну. Анна уже знала, что сейчас будет.

— Аня.

Она не ответила.

— Сходи с ней.

— Зачем?

— Ты же понимаешь их.

Анна медленно поднялась. Через полчаса они стояли у больницы. У входа действительно был немецкий солдат. Молодой. Не старше двадцати. Он сказал что-то резко, когда женщины подошли. Мать ребёнка испуганно остановилась. Анна ответила:

— Das Kind ist krank. Hohes Fieber.

Солдат посмотрел на неё. Потом переспросил:

— Sie sprechen Deutsch?

— Ja.

Это было первое «да», сказанное ею немецкому солдату. Он изменился в лице. Не стал добрее. Просто перестал видеть в ней безликую местную женщину.

— Was hat das Kind?

— Fieber. Erbrechen. Seit gestern Abend.

Солдат кивнул и позвал кого-то внутрь. Мать мальчика стояла рядом, не понимая ни слова. Через несколько минут их пропустили. На обратной дороге соседка всё повторяла:

— Спасибо тебе. Спасибо, Анечка.

Анна ничего не отвечала. Вечером Мария Игнатьевна сказала:

— Вот и пригодился твой немецкий.

Анна резко посмотрела на неё. Хозяйка сразу поняла, что сказала что-то не то.

— Я не в том смысле.

— А в каком?

— В хорошем.

Анна опустила глаза.

— Не знаю теперь, какой смысл хороший.

Через несколько дней про неё уже знала половина улицы. Кто-то попросил перевести записку. Кто-то — прочитать приказ. Кто-то — объяснить немецкому патрулю, что корову ведут не на продажу, а к ветеринару. Анна сначала отказывалась. Потом соглашалась. Она понимала, что от её слов иногда зависит слишком многое. Однажды к ней пришёл старик. Он держал в руках бумагу.

— Дочка, прочитай.

Анна развернула лист. Там было короткое предписание явиться на регистрацию.

— Завтра к девяти утра.

— Куда?

Она показала адрес. Старик кивнул. Потом спросил:

— А зачем?

Анна перечитала текст. Там этого не было.

— Не написано.

— А чего тогда зовут?

— Не знаю.

Он долго стоял. Потом сказал:

— Выходит, ты всё понимаешь, а всё равно ничего не знаешь.

Анна посмотрела на него. Это было точнее, чем он сам, наверное, хотел сказать.

Школа больше не работала. В первые дни туда ещё приходили учителя. Потом немцы заняли часть здания. В одном крыле устроили склад. В другом разместили солдат. Пётр Васильевич появился однажды утром. Он выглядел постаревшим.

— Анна Сергеевна.

— Пётр Васильевич.

Они стояли во дворе школы. Оба не знали, можно ли войти внутрь.

— Как вы?

— Нормально.

— Мария Игнатьевна?

— Жива.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Вас не спрашивали?

— Кто?

— Немцы.

— Нет.

— Если узнают, что вы знаете язык, могут использовать переводчиком.

Анна нахмурилась.

— Я не пойду.

— Я не говорю, что надо идти.

— Я не буду им помогать.

Пётр Васильевич посмотрел на неё тяжело.

— Иногда помочь одному человеку и помочь им — не одно и то же.

Анна ничего не сказала. Он добавил:

— Будьте осторожнее.

— А вы?

— Я теперь вообще осторожный человек.

Он улыбнулся. Но улыбка получилась плохой.

На улице начали появляться люди с повязками. Местная полиция. Анна знала некоторых. Вот бывший счетовод. Вот человек, торговавший раньше керосином. Вот молодой парень из соседней улицы. Теперь они носили оружие. Мария Игнатьевна, увидев одного из них, сплюнула через плечо.

— Нашёл службу.

Анна ничего не сказала. Она всё чаще замечала, как быстро люди меняются, когда им дают право приказывать другим. Но иногда происходило обратное. Один немецкий солдат помог старухе поднять мешок. Другой отдал детям кусок хлеба. Третий избил мужчину возле рынка за то, что тот не сразу понял приказ. Анна смотрела и не могла уложить всё это в одну простую картину. До войны ей казалось, что война разделяет людей на две стороны. Теперь она начинала понимать, что стороны существуют, но человек внутри каждой стороны всё равно остаётся отдельным человеком. Это понимание пугало. Потому что простая ненависть была бы легче.

Однажды вечером в дверь постучали. Мария Игнатьевна вздрогнула.

— Кто там?

Ответили по-немецки. Анна замерла. Стук повторился.

— Öffnen!

Мария Игнатьевна посмотрела на неё.

— Что говорят?

— Открыть.

— Не открывай.

Стук стал сильнее. Анна подошла к двери. Открыла. На крыльце стояли два немецких солдата. Один держал бумагу. Он что-то спросил. Анна ответила. Мария Игнатьевна стояла за её спиной. Солдаты хотели узнать, кто живёт в доме. Сколько человек. Есть ли мужчины призывного возраста. Есть ли радио. Анна переводила.

— Две женщины.

— Мужчин нет.

— Радио сдали.

Один солдат заглянул внутрь.

— Nur zwei?

— Ja.

Он записал что-то. Потом спросил:

— Beruf?

Анна поняла. Профессия.

— Lehrerin.

— Lehrerin?

— Ja.

— Was unterrichten Sie?

Вот тут она на секунду замолчала. Что преподавала? Можно было соврать. Математику. Русский. Историю. Но зачем?

— Deutsch.

Солдат поднял брови.

— Deutschlehrerin?

— Ja.

Он посмотрел на второго. Тот усмехнулся. Не зло. Скорее удивлённо.

— Eine Russin lehrt Deutsch.

Анна хотела поправить. Белорусский город. Советская гражданка. Неважно. Для них она была просто русской. Солдат записал ещё что-то.

— Morgen zur Kommandantur.

Анна побледнела.

— Warum?

— Nur Registrierung.

Только регистрация. Он назвал время. И ушёл. Мария Игнатьевна закрыла дверь.

— Что?

Анна молчала.

— Что они сказали?

— Завтра в комендатуру.

— Зачем?

— Регистрация.

— Не ходи.

— А если придут?

Мария Игнатьевна села на стул.

— Господи.

Ночью Анна почти не спала. Она лежала и смотрела в темноту. Каждый звук казался подозрительным. Шаги. Машина. Голоса. Стук калитки. Она пыталась представить завтрашний день. Что они хотят? Переводчика? Список учителей? Просто проверить документы? В какой-то момент она подумала о побеге. Куда? За город? В лес? К знакомым? Без документов? Без еды? Утром она всё-таки пошла.

В комендатуре пахло табаком, бумагой и сапогами. В коридоре сидели люди. Мужчины. Женщины. Старики. Кто-то держал документы. Кто-то — узелок. Никто не разговаривал громко. Анну вызвали по фамилии. В кабинете сидел немецкий офицер и переводчик из местных. Переводчик был ей незнаком.

— Name?

Анна назвала себя. Офицер посмотрел бумаги.

— Alter?

— Dreiundzwanzig.

— Beruf?

— Lehrerin.

— Deutschlehrerin?

— Ja.

Он поднял глаза.

— Wo haben Sie gelernt?

— Pädagogisches Institut.

— In Minsk?

— Ja.

Офицер спросил, хорошо ли она говорит по-немецки. Анна ответила:

— Достаточно.

Переводчик усмехнулся. Офицер продолжил. Есть ли родственники в Красной армии? Анна сказала, что не знает. Были ли она членом партии? Нет. Комсомола? Да. Офицер что-то записал. Потом вдруг спросил:

— Warum Deutsch?

Анна не сразу поняла. Почему немецкий?

— Язык изучала.

— Warum gerade Deutsch?

Почему именно немецкий? Анна пожала плечами.

— Любила литературу.

— Welche?

— Heine. Goethe. Schiller.

Офицер несколько секунд смотрел на неё. Потом сказал:

— Goethe führt zu seltsamen Orten.

Гёте приводит в странные места. Анна ничего не ответила. Ей стало холодно. Офицер отложил бумаги.

— Vielleicht werden wir Ihre Sprachkenntnisse brauchen.

Возможно, нам понадобятся ваши знания языка. Анна почувствовала, как всё внутри напряглось.

— Я учитель.

— Das sehe ich.

Вижу. Он сделал пометку.

— Sie können gehen.

Она вышла. На улице солнце ударило в глаза. Анна остановилась возле стены. Дышать было трудно.

После этого её несколько дней не трогали. Но спокойнее не стало. Теперь она знала, что её имя есть где-то в немецких бумагах. Им известно, что она говорит по-немецки. Им известно, где она живёт. Анна начала реже выходить. Но люди всё равно приходили. Однажды женщина принесла письмо от сына. Он работал где-то до войны и теперь оказался по другую сторону фронта. Письмо было старое. На немецком конверте стоял штамп.

— Прочитай, дочка.

Анна прочитала. Письмо было коротким. Сын писал, что жив. Женщина заплакала. Анна снова подумала: язык сам по себе ни в чём не виноват. Но теперь это знание не приносило облегчения.

В августе начали забирать мужчин на работы. Сначала говорили — временно. Расчищать дороги. Ремонтировать мост. Разгружать вагоны. Потом некоторые не вернулись. Говорили, их отправили дальше. Куда — никто не знал. Появились слухи о Германии. Что туда вывозят молодёжь. Что нужны рабочие. Что пока берут добровольцев. Потом перестали говорить слово «добровольно». Анна слышала всё это на рынке. Женщины шептались.

— У Петровых девку забрали.

— Куда?

— В Германию.

— За что?

— Ни за что.

— Работать.

— Вернётся?

На этот вопрос обычно никто не отвечал.

Осенью стало холоднее. Школа по-прежнему не работала нормально. В некоторых помещениях жили военные. Анна однажды прошла мимо и увидела через окно свою классную комнату. На стене висела карта. Одна парта была перевернута. На доске кто-то написал по-немецки:

Munition.

Боеприпасы. Она отвернулась.

В октябре её снова вызвали. На этот раз не в кабинет офицера. В коридоре стоял человек в гражданском. Немец. Лет сорока. Он спросил:

— Вы Анна Левицкая?

— Да.

— Говорите по-немецки?

— Да.

— Пойдёмте.

— Куда?

— На склад.

Анна остановилась.

— Зачем?

Он раздражённо посмотрел на неё.

— Переводить.

Она хотела отказаться. Но рядом стоял вооружённый солдат. На складе были местные рабочие. Немец пытался объяснить, куда складывать ящики. Люди не понимали. Анна перевела. Всего несколько фраз. Сюда. Не туда. Осторожно. По двое. Работа закончилась через час. Никого не били. Никого не арестовали. Анне даже дали кусок хлеба. Она не взяла. Немец удивился.

— Warum nicht?

— Не хочу.

Он пожал плечами. После этого её стали вызывать иногда. Не часто. Перевести приказ. Объяснить рабочим. Прочитать фамилии. Анна ненавидела каждый такой день. Но постепенно заметила, что иногда может изменить слова. Совсем немного. Сказать мягче. Предупредить. Объяснить человеку заранее, что от него требуют. Однажды немец приказал привести пятерых рабочих на следующий день. Анна перевела:

— Прийти утром. Возьмите еду с собой.

Немец этого не говорил. Люди посмотрели на неё. Она не изменилась в лице. В другой раз предупредила старика:

— Возьмите документы.

Тоже от себя. Это были мелочи. Но других возможностей у неё не было.

К зиме город привык к оккупации. Это было самое страшное слово. Привык. Люди знали, когда можно ходить. Где стоять в очереди. Каких улиц избегать. Кому можно доверять. Кому нельзя. Как прятать продукты. Когда гасить свет. Как не смотреть солдату прямо в глаза. Как отвечать коротко. Как жить дальше. Анна тоже привыкала. И каждый раз, замечая это, испытывала стыд.

В декабре Мария Игнатьевна заболела. Сначала кашель. Потом температура. Лекарств почти не было. Анна ходила по знакомым. Меняла вещи на молоко. Доставала картошку. Носила воду. Мария Игнатьевна лежала и сердито говорила:

— Не крутись возле меня.

— Кто тогда будет?

— Сама.

— Очень видно.

Однажды ночью хозяйка спросила:

— Аня.

— Что?

— Если тебя заберут, куда пойдёшь?

— Не заберут.

— Я не спрашиваю, заберут или нет.

Анна молчала.

— В Германию?

— Может быть.

— Ты же язык знаешь.

— И что?

— Может, легче будет.

Анна резко ответила:

— В плену язык не делает человека свободным.

Мария Игнатьевна посмотрела на неё.

— Ты уже всё пленом называешь?

Анна долго не отвечала.

— А как ещё?

В январе появились новые списки. Молодые мужчины. Потом женщины. Возраст. Профессия. Семейное положение. Анна увидела свою фамилию случайно. Лист висел возле комендатуры. Левицкая Анна Сергеевна. Год рождения. Учитель. Немецкий язык. Явиться такого-то числа. Она перечитала трижды. Потом вернулась домой. Мария Игнатьевна всё поняла по лицу.

— Что?

Анна сняла пальто.

— Меня вызывают.

— Опять переводить?

— Не знаю.

Но они обе уже знали.

В назначенный день Анну держали в коридоре почти два часа. Потом вызвали. За столом сидели двое. Один из них листал бумаги.

— Вы не замужем?

— Нет.

— Детей нет?

— Нет.

— Здоровы?

Анна посмотрела на него.

— Да.

Он поставил отметку.

— Sie werden zur Arbeit ins Reich geschickt.

Вас направляют на работу в рейх. Слова прозвучали спокойно. Как будто речь шла о переводе в другую школу. Анна почувствовала, что сначала не поняла. Хотя поняла каждое слово.

— Куда?

— Deutschland.

— Я не хочу.

Немец поднял глаза.

— Это не вопрос желания.

— У меня дом.

— Вы не замужем.

— Я учитель.

— Там нужны рабочие.

— Я не рабочая.

— Теперь будете.

Анна вцепилась пальцами в край стула.

— Когда?

— Через три дня.

Она встала.

— Я никуда не поеду.

Немец даже не рассердился.

— Поедете.

Домой она шла медленно. Снег скрипел под ногами. Люди проходили мимо. Кто-то здоровался. Анна не отвечала. Она вспоминала чемодан. Тот самый. Собранный ещё в июне. Сначала для поездки к родителям. Потом для эвакуации. Потом снова разобранный. Теперь придётся собирать его третий раз. Мария Игнатьевна сидела у окна. Анна вошла. Сняла платок.

— Германия?

Анна кивнула. Хозяйка закрыла лицо руками. И только тогда Анна поняла, что всё это время надеялась на ошибку. Но ошибки не было. На столе лежал её старый диплом. Мария Игнатьевна когда-то переложила его туда, чтобы не отсырел. Анна взяла документ. Провела рукой по обложке. Учитель немецкого языка. Год назад эти слова означали её профессию. Полгода назад — опасность. Теперь, возможно, именно они решат, кем она станет в чужой стране. Она положила диплом в чемодан. Потом долго сидела на кровати. За стеной тикали часы. В печке потрескивали дрова. А за окном лежал снег. Тот же снег, который мог лежать в Минске. Возле дома родителей. На школьном дворе. Анна закрыла чемодан. На этот раз она уже не говорила себе, что скоро вернётся.

Глава 4. Дорога

Собираться оказалось легче, чем прощаться. Анна поняла это утром, когда чемодан уже стоял у двери. В нём было совсем немного вещей: две смены белья, тёплая кофта, запасные чулки, полотенце, кусок мыла, жестяная кружка, ложка, несколько фотографий и диплом педагогического института, завернутый в старую газету. Мария Игнатьевна настояла, чтобы Анна взяла ещё шерстяной платок.

— Там тоже зима бывает.

— Я знаю.

— Знать одно, а мёрзнуть другое.

Она уложила платок сверху и прижала ладонью. Потом долго перебирала вещи взглядом, словно искала, что ещё можно положить в чемодан, чтобы защитить Анну от неизвестности. На столе лежал хлеб. Мария Игнатьевна разрезала буханку пополам.

— Это возмёшь.

— Вам самой надо.

— Я останусь дома.

Анна посмотрела на неё. Слово «дома» прозвучало почти болезненно.

— А если меня не будет долго?

Хозяйка продолжала заворачивать хлеб в чистую тряпку.

— Значит, долго.

— А если совсем...

Мария Игнатьевна резко подняла голову.

— Не говори.

Анна замолчала. За окном было ещё темно. Во дворе кто-то прошёл, скрипнул снег под сапогами. До сбора оставался час. Анна ходила по комнате и машинально касалась знакомых вещей. Спинки стула. Подоконника. Края стола. Железной кровати. Всё казалось неожиданно важным. Даже трещина на стене, которую она собиралась заклеить ещё осенью. Всё это оставалось. Она уходила.

К назначенному месту следовало явиться к семи утра. Когда они вышли из дома, начало светать. Мария Игнатьевна несла маленький узелок с едой. Анна — чемодан. На улице было морозно. Дым из труб поднимался почти вертикально. Город только просыпался, но возле домов уже появлялись люди. Некоторые провожали таких же, как Анна. Молодых мужчин. Девушек. Женщин. Редко — целые семьи. Все шли в одну сторону. К бывшему районному клубу. Анна увидела знакомую девушку из соседней улицы. Тоню. Она работала до войны в

аптеке. Тоня шла рядом с матерью и плакала. Анна отвернулась. Ей не хотелось видеть чужие слёзы, потому что тогда пришлось бы признать собственные. Возле клуба уже стояла толпа. У входа проверяли документы. Местные полицейские выкрикивали фамилии. Немецкий унтер-офицер стоял немного в стороне и курил. Анна заметила, как спокойно он смотрит на людей. Не с ненавистью. Не с сочувствием.

Просто как на работу, которую нужно выполнить. Это спокойствие показалось ей хуже грубости. Мария Игнатьевна взяла её за руку.

— Напишешь?

— Если дадут.

— Адрес знаешь.

— Знаю.

— И родителям.

Анна кивнула.

— Обязательно.

Они обе понимали, что неизвестно, дойдёт ли хоть одно письмо. Но говорили так, будто всё зависит только от почты.

— Аня.

— Что?

Мария Игнатьевна хотела что-то сказать, но вдруг заплакала. Беззвучно. Она отвернулась и стала вытирать глаза концом платка. Анна обняла её. За последние полтора года хозяйка стала ей почти родственницей. Сначала просто женщина, сдававшая комнату. Потом человек, который знал, какие книги Анна любит, сколько сахара кладёт в чай и что она не может уснуть, если часы слишком громко тикают.

— Я вернусь, — сказала Анна.

Мария Игнатьевна ничего не ответила. Только крепче прижала её к себе. Раздался окрик:

— Левицкая!

Анна вздрогнула.

— Здесь!

— Проходи!

Мария Игнатьевна сунула ей узелок.

— Иди.

Анна взяла чемодан. Сделала несколько шагов. Потом обернулась. Хозяйка стояла там же. Маленькая. Ссутулившаяся. Совсем седая под тёмным платком. Анна подняла руку. Мария Игнатьевна тоже. Больше они ничего друг другу не сказали.

До станции людей повели пешком. Колонна растянулась вдоль улицы. По краям шли полицейские. Впереди — немецкий солдат. Некоторые женщины продолжали махать вслед. Кто-то пытался подойти к колонне и передать еду. Полицейские отгоняли. Анна шла рядом с Тоней.

— Куда нас? — спросила та.

— В Германию.

— Я знаю, что в Германию. Куда там?

— Не знаю.

— Говорят, на заводы.

— Может быть.

— А если в деревню?

— Не знаю.

Тоня помолчала.

— Ты ведь немецкий знаешь.

Анна посмотрела на неё.

— И что?

— Ну... может, услышишь что-нибудь.

Эти слова Анна уже слышала много раз. Теперь её знание языка превращалось почти в обязанность знать будущее.

— Если услышу — скажу.

Тоня кивнула.

На станции стояли товарные вагоны. Анна видела такие и раньше. В них возили лес. Скот. Мешки с зерном. Теперь возле дверей стояли люди. Немецкие солдаты проверяли списки. Некоторые вагоны уже были заполнены. Изнутри слышались голоса. Плач детей. Кашель. Кто-то стучал в стену. Анна остановилась. Она вдруг поняла, что до этого момента всё ещё не верила в отъезд окончательно. Клуб. Колонна. Станция. Всё это могло быть временным. Но открытая дверь товарного вагона делала происходящее настоящим. Тоня прошептала:

— Господи.

И перекрестилась. Анна посмотрела вокруг. На платформе стояли мужчины. Старики. Женщины. Несколько детей. Кого-то отправляли семьями, кого-то отдельно. Люди пытались найти знакомых. Кричали фамилии. На одном вагоне мелом была написана цифра. На другом — немецкие буквы. Анна автоматически прочитала:

Osten.

Восток. Она почти усмехнулась. Для немцев это был поезд с Востока. Для неё — поезд на Запад. Слова опять зависели от того, кто их произносит.

Их загнали в вагон около девяти. Внутри уже находилось человек тридцать. Места почти не было. По обеим сторонам лежали деревянные нары. На полу — немного соломы. В углу стояло ведро. Дверь оставалась открытой. Пока. Анна поставила чемодан под нары и села. Рядом устроилась Тоня. Напротив сидела женщина с мальчиком лет восьми. Мальчик прижимал к груди небольшой деревянный самолёт. Анна невольно посмотрела на игрушку. Мальчик заметил.

— Папа сделал.

— Красивый.

— Он летает.

— Правда?

— Если кинуть.

Мать мальчика устало сказала:

— Не приставай к тёте.

— Он не пристаёт.

Мальчик улыбнулся.

— А вы куда едете?

Вопрос был настолько детским, что никто не ответил сразу. Анна сказала:

— Туда же, куда и ты.

— А куда?

Мать отвела глаза.

Поезд тронулся ближе к полудню. Сначала дёрнулся один раз. Потом второй. Кто-то упал. Закричал ребёнок. Вагон медленно покатился. Двери закрыли не полностью, оставив узкую щель. Через неё ещё несколько минут был виден город. Сначала станция. Потом склады. Потом крайние дома. Анна стояла возле двери и смотрела. Она пыталась запомнить всё. Крышу вокзала. Фонарный столб. Забор. Дым над домами. Потом город исчез. Осталось поле. Снег. Редкие деревья. Тоня стояла рядом.

— Когда вернёмся?

Анна ничего не ответила.

Первые часы люди почти не разговаривали. Все устраивались. Перекладывали вещи. Делили места. Кто-то молился. Кто-то спал. Некоторые ещё плакали. Потом вагон начал жить своей отдельной жизнью. Появились разговоры. Кто откуда. Кого оставили дома. У кого муж на фронте. Кого забрали раньше. Кто слышал о Германии. Один мужчина уверял, что там рабочим хорошо кормят. Другой говорил, что всех загонят на заводы. Женщина из дальней части вагона рассказывала, что её двоюродная сестра уже писала из Германии и работает на хозяйстве.

— Пишет, молоко дают.

— Так если дают, чего она домой просится?

— А ты бы не просилась?

Спор быстро затих. Все понимали, что ничего не знают.

Анне сначала пытались задавать вопросы.

— Ты немецкий знаешь?

— Знаю.

— Что говорят солдаты?

— Пока ничего.

— А на станции?

— Проверяли списки.

— Может, говорили, куда везут?

— Нет.

— А если услышишь?

— Скажу.

Через несколько часов она устала от этих вопросов. Но не сердилась. Людям хотелось хоть за что-нибудь держаться. Её знание языка казалось таким поручнем. Хотя Анна сама чувствовала себя не увереннее остальных.

На первой большой остановке двери открыли. В вагон ударил холодный воздух. Люди потянулись к выходу. Солдаты закричали:

— Zurück! Zurück!

Анна сразу поняла. Назад. Один из мужчин попытался прыгнуть. Его ударили прикладом. Он отшатнулся. Люди замерли. Потом принесли два ведра воды. Кто-то спросил:

— Что они говорят?

— Оставаться внутри.

— А выйти?

— Нельзя.

— Почему?

Анна не ответила. Мужчина хмуро сказал:

— Переводчица, а ничего не знает.

Тоня резко повернулась к нему:

— Она тебе что, немецкий генерал?

Мужчина промолчал. Анна тихо сказала:

— Всё нормально.

Но Тоня ещё долго сердито смотрела в его сторону.

Воду делили по кружке. Хлеб старались не есть сразу. Мария Игнатьевна положила Анне ещё два варёных яйца и кусок сала. Анна обнаружила их только вечером. На свёртке лежала маленькая бумажка. «Ешь, не жалея». Анна прочитала несколько раз. Потом отвернулась к стене. Впервые с момента прощания она заплакала. Тихо. Так, чтобы никто не видел.

Ночью стало холодно. Люди прижимались друг к другу. Мальчик с деревянным самолётом заснул у матери на коленях. Тоня дремала, положив голову Анне на плечо. Колёса стучали почти равномерно. Анна не могла уснуть. Она пыталась определить по направлению, где они едут. Бесполезно. Иногда поезд долго стоял. Иногда шёл быстро. За щелью в двери была только

темнота. Анна думала о родителях. Знают ли они, что её вывезли? Живы ли вообще? Что происходит в Минске? Что стало со школой? С Колей? С Петром Васильевичем? С Марией Игнатьевной? Она представляла свою комнату. Пустую кровать. Стол. Занавеску. Потом вдруг поняла, что Мария Игнатьевна, наверное, вечером автоматически поставит на стол две кружки. Эта мысль оказалась невыносимой. Анна закрыла глаза.

На следующий день поезд пересёк какую-то большую реку. Люди пытались смотреть через щель.

— Где мы?

— Не знаю.

— Может, Польша?

— Уже?

— А кто его знает.

Анна слышала голоса солдат снаружи. Немецкие слова. Названия станций. Некоторые она пыталась запомнить. Но поезд шёл слишком долго, и названия перемешивались. Однажды ей показалось, что она услышала польское название. Значит, действительно двигались на запад. Это знание ничего не изменило.

На третьи сутки умер старик. Он ехал в дальнем углу вагона. Сначала тяжело дышал. Потом перестал разговаривать. Женщина рядом позвала Анну.

— Ты учёная. Посмотри.

Анна подошла. Что она могла посмотреть? Она была учителем немецкого языка, а не врачом. Старик лежал на боку. Лицо было спокойным. Кто-то потрогал шею.

— Умер.

Люди замолчали. На следующей остановке тело вынесли. Солдат спросил:

— Tot?

Анна ответила:

— Ja.

Он кивнул. Двое мужчин положили старика возле насыпи. Поезд через несколько минут поехал дальше. Никто не знал, как его звали. Только женщина, сидевшая рядом, сказала:

— Фёдор вроде.

Это было всё, что осталось от человека в их вагоне. Имя. Вроде Фёдор.

После этого разговоров стало меньше. Люди берегли силы. Еду. Воду. Слова. Анна заметила, что перестала считать дни. Было утро. Был вечер. Остановка. Дорога. Сон. Потом снова дорога. Иногда они видели станции. Чистые платформы. Незнакомые вывески. Людей в другой одежде. Чем дальше ехали, тем реже слышалась русская речь. Немецкий становился всё обычнее. Он звучал с платформ. Из громкоговорителей. От железнодорожников. От солдат. И происходила странная вещь. Анна понимала всё больше, чем остальные. Но от этого чувствовала себя всё более одинокой. Когда остальные слышали шум чужой речи, она слышала смысл.

— Этот вагон дальше.

— Этих оставить.

— Двадцать человек.

— Рабочая сила.

— Женщины отдельно.

Однажды она услышала слово:

Arbeitskräfte.

Рабочие силы. Так говорили о них. Не люди. Не женщины. Не учителя. Рабочие силы. Анна ничего не сказала остальным.

На одной станции в вагон заглянул немецкий железнодорожник. Он был пожилой. С усами. Увидел ребёнка и спросил:

— Wie alt?

Мать испугалась. Анна перевела:

— спрашивает, сколько ему лет.

— Восемь.

— Acht.

Железнодорожник кивнул. Потом достал из кармана яблоко и протянул мальчику. Мать не сразу позволила взять. Мужчина положил яблоко на край вагона и ушёл. Мальчик смотрел на него. Потом на Анну.

— Он немец?

— Да.

— А зачем яблоко дал?

Анна почувствовала, что не знает, как ответить.

— Наверное, захотел.

— Но он же немец.

Мать резко сказала:

— Ешь и молчи.

Мальчик взял яблоко. Анна отвернулась. Ей снова вспомнился Коля.

«А немцы правда так разговаривают?»

В жизни люди разные. Когда-то она произнесла эту фразу легко. Теперь за неё приходилось платить пониманием.

На пятый день вагон открыли надолго. Всех вывели. Анна почти не могла идти. Ноги затекли. Людей построили вдоль платформы. Станция была большой. Незнакомой. На здании висело название. Анна прочитала. Германия. Они были уже в Германии. Кто-то рядом спросил:

— Что написано?

Она назвала город.

— Это уже там?

— Да.

— Где — там?

— В Германии.

По колонне прошёл шёпот. Некоторые начали креститься. Другие просто смотрели вокруг. Анна тоже смотрела. Она ожидала увидеть что-то совершенно чужое. Но увидела вокзал. Дома. Дымовые трубы. Женщину с велосипедом. Мужчину в рабочей одежде. Двух детей за забором. Обычный город. Именно это потрясло её сильнее всего. Здесь тоже жили люди. Они ходили в магазины. Топили печи. Растили детей. Спешили на работу. В то время как где-то далеко её собственный город стоял под чужой властью. Один из немецких мальчиков за забором смотрел на колонну. Ему было лет десять. Он не смеялся. Просто смотрел. Анна встретила с ним глазами. Через секунду мать отвела его в сторону.

Их повели в большое огороженное помещение возле станции. Там снова проверяли документы. Спрашивали возраст. Профессию. Здоровье. Семейное положение. Анна стояла в очереди. Когда дошла до стола, чиновник взял её бумаги.

— Name?

Она ответила.

— Beruf?

— Lehrerin.

Он поднял глаза.

— Lehrerin?

— Ja.

— Was für eine Lehrerin?

Анна знала, что последует дальше.

— Deutsch.

Мужчина посмотрел внимательнее.

— Sie sprechen Deutsch?

— Ja.

Он подозвал другого. Они коротко поговорили. Анна услышала:

— Nicht Fabrik.

Не фабрика. Потом:

— Haushalt vielleicht.

Домашнее хозяйство, возможно. Она насторожилась.

— Wohin werde ich geschickt?

Куда меня отправят? Первый чиновник посмотрел на неё.

— Das wird entschieden.

Это решат. Он сделал отметку в карточке. Анна хотела спросить ещё. Не успела.

— Weiter.

Следующий. Она отошла. Тоня ждала немного дальше.

— Что?

— Не знаю пока.

— Про тебя говорили?

— Да.

— Что?

Анна помедлила.

— Может быть, не на завод.

— А куда?

— В семью.

Тоня посмотрела на неё почти с завистью. Потом сразу смутилась.

— Это хорошо?

Анна посмотрела на ограду. На солдат. На людей, которых распределяли по спискам.

— Не знаю.

Вечером их разместили в бараке. Впервые за несколько дней Анна легла не на солому в вагоне, а на деревянные нары. Она достала из чемодана диплом. Развернула газету. Посмотрела на знакомые слова. Педагогический институт. Квалификация. Учитель немецкого языка. Эта бумага снова вмешалась в её судьбу. Когда-то она дала Анне класс. Потом сделала её полезной для оккупационных властей. Теперь, возможно, спасала от завода. Или вела к чему-то другому. Анна не знала. Она завернула диплом обратно. На соседних нарах Тоня уже спала. В бараке было тихо. Издалека доносились немецкие голоса. Анна различала слова, но старалась их не слушать. Утром должны были объявить распределение. Она закрыла глаза. Перед ней вдруг возникла школьная доска. Белый мел. Ровные буквы.

Der Sommer kommt.

Потом всё исчезло. И впервые за долгое время Анна подумала не о возвращении домой. Она подумала о завтрашнем дне. Это было совсем мало. Но пока большего у неё не осталось.

Глава 5. Дом Веберов

Утром фамилии читали долго. Люди стояли в тесном помещении, держа в руках узлы и чемоданы. Некоторые уже знали, куда их отправят. Кто-то — на завод. Кто-то — на сельскохозяйственные работы. Несколько девушек должны были уехать ещё дальше. Анна слышала названия городов и почти ничего не чувствовала. Усталость оказалась сильнее страха. Она стояла рядом с Тоней и смотрела на стол, за которым двое мужчин перебирали карточки. Когда назвали фамилию Тони, та вздрогнула.

— Ткачёва Антонина.

— Hier!

Она ответила слишком громко. Её направляли на текстильное предприятие. Тоня побледнела.

— А тебя?

— Пока не знаю.

— Если нас разлучат...

Анна посмотрела на неё.

— Разлучат.

Тоня сжала губы. За несколько дней дороги они почти не говорили о том, что станут делать дальше. Наверное, обе бессознательно держались за мысль, что останутся вместе. Но Германия уже начала разделять их. По спискам. По профессиям. По возрасту. По тому, для какой работы их сочтут пригодными. Тоня быстро обняла Анну.

— Если сможешь, напиши.

— Куда?

Они обе замолчали. Потом Тоня вдруг рассмеялась. Нервно.

— Вот дура.

Анна тоже улыбнулась. Через минуту Тоню увели вместе с группой женщин. Она несколько раз оглянулась. Потом исчезла в коридоре. Анна осталась одна.

Её фамилию назвали ближе к полудню.

— Lewizkaja, Anna.

Анна подошла. За столом сидел тот же мужчина, который накануне говорил о домашнем хозяйстве. Он нашёл карточку.

— Sie kommen in einen Privathaushalt.

В частное хозяйство. Анна сразу поняла.

— Wo?

Мужчина назвал городок неподалёку. Она никогда о нём не слышала.

— Was soll ich dort machen?

— Hausarbeit. Kind.

Домашняя работа. Ребёнок. Анна нахмурилась.

— Ich bin Lehrerin.

Он посмотрел на карточку.

— Hier steht Deutschlehrerin.

— Ja.

— Jetzt Hausarbeit.

Теперь домашняя работа. Он произнёс это без насмешки. Просто сообщил новый факт её биографии.

— Familie Weber.

Он написал адрес. Потом положил перед ней бумагу.

— Unterschreiben.

Анна прочитала. Трудовое направление. Имя. Дата рождения. Место назначения. Она медленно поставила подпись. Мужчина забрал документ.

— Warten.

Ждать.

За ней пришли после обеда. Не солдат. Пожилая женщина в тёмном пальто. Она назвалась фрау Крамер и сказала, что работает при местной службе распределения рабочей силы. Анна взяла чемодан.

— Folgen Sie mir.

Они вышли. На улице было холодно, но снег почти растаял. Город показался Анне странно аккуратным. Низкие дома. Черепичные крыши. Окна с занавесками. У некоторых домов маленькие палисадники. На стенах висели флаги. Анна старалась на них не смотреть.

Проезжали велосипеды. Женщины несли корзины. Возле булочной стояла очередь. Она ожидала увидеть нечто совсем другое. После дороги в вагоне ей казалось, что сама Германия должна быть похожа на казарму. Но вокруг была обычная жизнь. И это снова раздражало её. Она думала: почему здесь всё цело? Почему окна целые? Почему дети идут по улице с портфелями? Почему женщина выбирает яблоки? Почему этот мужчина чинит велосипед? В её городе люди боялись выйти после комендантского часа. Здесь кто-то мыл витрину магазина. Анна знала, что мысль несправедлива. Эти люди не разбомбили её школу своими руками. Но избавиться от неё не могла.

До места ехали поездом около часа. Потом ещё шли пешком. Дом Веберов находился на тихой улице ближе к окраине. Двухэтажный. С небольшим садом. Каменная дорожка вела к крыльцу. У стены рос голый куст роз. Фрау Крамер позвонила. Дверь открыла молодая женщина. Анна сразу поняла, что это хозяйка. Лет тридцать. Может быть, немного меньше. Светлые волосы собраны на затылке. Тёмное платье. Усталое лицо. Женщина посмотрела сначала на Крамер, потом на Анну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.